УДК 141

ЕВРАЗИЙСТВО. ИДЕОКРАТИЯ. МИР НАИЗНАНКУ

© Орешкин Дмитрий Борисович
кандидат географических наук, политолог, ведущий научный сотрудник Института географии РАН
Россия, 119017, г. Москва, Старомонетный переулок, 29

Автор рассматривает природу идеократических режимов различного типа, прежде всего большевистского. Анализируются специфика современного варианта евразийства как попытки идеологического обоснования термидорианской политики.

Ключевые слова: идеократия, евразийство, национальная идея, большевизм, национал-социализм, фашизм.

На протяжении трех поколений формат нетленных святынь не то, чтобы отсутствовал в нашей жизни, но был полон иными смыслами. Выражения типа «циничное глумление», «кощунство», «святые для каждого советского человека идеалы», «духовное богатство» и т.п. были в ходу на оптимуме советской власти. Но относились они не к православию, а к теоретическому наследию марксизма-ленинизма и достижениям социалистического строя. И вот опять ренессанс – с новым или хорошо забытым старым содержанием. Что бы это значило?

Идея и государство

Почему в основе российской государственности обязательно должна лежать некоторая сверхзначимая Идея, про которую – даже если речь об историческом материализме – можно говорить лишь с придыханием, применяя пафосные обороты, заимствованные из церковного обихода? И почему эта Идея обязательно должна быть монистичной, допускающей лишь одно истинное толкование, исключающее альтернативные точки зрения и политическую конкуренцию?

Потому что такова наша историческая стезя, тысячелетняя традиция, уникальный цивилизационный код и т.п. – с пафосом отвечают сторонники этой точки зрения. Однако в наше скептическое время голого пафоса для обоснования политических концепций уже недостаточно. Необходимо представить и что-то более рациональное.

Культура и история России сложнее и многообразнее, чем хочется думать сторонникам социокультурного и политического монизма. Они апеллируют к сильным, но отнюдь не абсолютным традициям авторитаризма, которые действительно были характерными для русской куль-

туры. Как, впрочем, и для большинства других европейских культур на определенном этапе их развития. Почему мы должны на веру принять, что для России аналогичный этап не закончился и, более того, был в прошлом органичным, правильным и единственно возможным?

De facto идейный монизм иссяк. Свидетельство тому – неоднозначное отношение специалистов и общественного мнения к СССР, к марксизму, к образу И. Сталина. Уже кажется странным спорить о том, имеют ли наука и общественное мнение право на плюрализм или же (исходя из пафосных воззрений монистов) допустима лишь одна, неоспоримо верная, концепция российского государства, истории и общественного блага. Тем не менее именно так ставят вопрос неотрадиционалисты. Идеалы непримиримого монизма в нашем национальном сознании уходят корнями к учению европейских гностиков и манихеев [6]. Манихейство видит мир просто: есть один эксклюзивный источник света и клубящаяся вокруг безобразная и греховная тьма. Отсюда любое многоцветие суть путаница и ересь. Авторитаризм же, напротив, есть ясность и спасение. Чем больше вокруг пугающей невнятицы, тем проще убедить аудиторию в необходимости вождя-поводыря, знающего путь к Свету.

В этом есть своя логика. К сожалению, редукционистская. Манихейское мышление ищет спокойствия и простоты не в адаптации к реально существующему многомерному миру, а в его низведении к исходной двумерности: «плюс – минус»; «право – лево»; «свет – тьма»; «мы – враги»; «кто не с нами, тот против нас». Строго говоря, на самом деле эта шкала одномерна, но воспринимается как дуальная, ибо подразумевает два противоположных направления или полюса.

Ю. Лотман аналогичное свойство русской культуры обозначил как «бинарность», противопоставив «тернарной» европейской культуре [3]. Важно, что и Лотман, и И. Яковенко с А. Музыкантским на конкретных примерах показывают, во-первых, что русская культура не родилась сразу такой жесткой, а сделалась ею под давлением специально предпринимаемых «сверху» усилий, включая, в частности, заимствование европейского учения гностиков и манихеев. Во-вторых, Россия как социокультурный феномен никогда не сводилась целиком к одномерности, всегда сплетаясь из конкурирующих и сосуществующих идейных течений. В-третьих, сегодня былая идеологическая ригидность быстро размывается. К этому объективно ведет диверсификация экономики, образования и культуры, без чего невозможна комплексная конкуренция с другими, гибкими и разноликими цивилизациями. Собственно, вопрос лишь в том, как воспринимать эти перемены. Как естественный процесс развития и преобразования языка, общества и государственной

модели или как болезненное отклонение от магистрального пути Великой Русской Традиции?

«Взрыв», по Лотману, не может смотреться иначе, как социокультурная катастрофа. В России она растянулась на десятилетия, что дает людям время адаптироваться к условиям вялотекущего когнитивного диссонанса. Старый образ мира расползается, человек чувствует себя беззащитным на ветру истории, его тянет к прежней устойчивости и ясности. Отсюда неизбежная, как после любой революции, волна реставрационных настроений. Она обещает вернуть утраченное и никогда не выполняет обещания. Но перескочить этот этап, по-видимому, невозможно. Его надо пережить. Это не теоретический спор, который можно замазать пропагандистскими методами, а проблема повседневной жизненной практики.

Нарастание сложности и конфликт интересов

Тяга к ясности нормальна. Новость лишь в том, что наряду с былой ясностью черно-белого восприятия, теперь, оказывается, возможна и полихромная ясность более общего уровня. К этому удивительному открытию за постсоветские годы так или иначе пришли минимум 30 млн граждан РФ, которые на условном языке социологов обозначаются как «европейски ориентированные, хорошо образованные горожане с доходами выше среднего». В целом же, согласно результатам совместного опроса Центра политических технологий И. Бунина и «Левада-Центра» в 2013 г. ценностные запросы граждан России сводятся к четырем основным группам: за возвращение советского строя выступают 13%; за «железную руку», которая наведет порядок, – 18%; за «свой российский путь», персонифицируемый В. Путиным, – 24%; за демократию европейского образца – 38% [7].

Каковы бы ни были возможные отклонения счета, приходится признать: ни одной из групп нельзя пренебречь как незначительной. Ситуация покажется еще более запутанной, если учесть, что внутри каждой из электоральных групп, ориентирующихся на разных лидеров и разные партии, представлены (хотя и в разной пропорции) носители всех упомянутых ценностных запросов! За КПРФ, кроме сторонников социализма, голосуют как «демократы», так и ценители «железной руки». За Путина, кроме сторонников «особого пути», опять же «демократы», «железная рука» и даже «социалисты». Список можно продолжить.

«Духовно монолитные» социокультурные блоки на самом деле существуют по большей части в воображении своих адептов, в культурном пространстве текстов, образов и чеканных формулировок на теледискуссиях как некая беспримесная и потому бесплотная квинтэссен-

ция. Там же, в воображении, существует и «духовно монолитная Россия». В реальной жизни, среди конкретных людей, все гораздо сложнее и интереснее. В одной конкретной голове вполне (или не вполне) мирно могут уживаться миф о великом Сталине – эффективном менеджере и ориентация на антисоветскую рыночную экономику.

На таком межеумочном фоне часть властных элит, располагая аппаратом принуждения и воздействия на общественное мнение, пытается натянуть на изменившееся общество старую монистическую версию Идеи и привязанной к ней политической модели. Попытка бесперспективная, ибо нуждается в более или менее откровенных репрессиях в адрес существенной (не менее трети!) части сограждан. Она противоречит ходу социального развития с его урбанизацией, повышением доходов, нарастающей свободой информационного обмена и перемещений. Все это ведет к увеличению числа межличностных контактов, разнообразия персонального опыта и идей. Налицо объективный конфликт между монистической теорией власти и плюралистической практикой гражданского общества. Чем сильнее власть тянется к монизму и через него – к авторитарной политике, тем очевиднее ее отрыв от реальной жизни. Консервативные путинские элиты пытаются повторить сталинский опыт конструирования монистической государственной реальности сверху вниз, но при этом надеются не запачкаться сталинскими методами отсечения топором и лопатой «неправильностей», выпирающих за рамку официальной идеологии. Неразрешимая задача.

Процесс начинается с истребления идейных течений, призванных «ложными». Кем признанных, на каком основании? Ответ предлагается идеологией патриотов-державников и «Изборским клубом». Эти замечательные люди как бы изначально приобщены к высшему знанию судеб России и обладают эксклюзивным правом интерпретировать «смысл», «дух» и «национальный код» страны. Разнообразие они толкуют как «управляемый хаос», специально заброшенный к нам с Запада, и претендуют на его спасительное обуздание. Что вызывает бурные, продолжительные аплодисменты со стороны вышестоящих товарищей и части ушибленного когнитивным диссонансом общества. Налицо попытка «верхов» реанимировать ископаемую версию ясности через подавление альтернатив. Ее первоочередное следствие и симптом – поиск врагов и нарастание межгрупповой агрессии. В этой системе ценностей результатом подавления альтернатив должно стать спасительное духовное единство, но на самом деле оно ведет лишь к взаимному отторжению и утрате контроля.

Структура монистической концепции

Внутри своей системы ценностей сторонники государственного монизма логически неизбежно реализуют двухуровневую систему миропонимания: высший эзотерический уровень специально отобранных, приобщенных к тайнам социального менеджмента лиц, которым ведома Истина и Цель (пастыри, эксклюзивный источник манихейского Света); низший уровень масс, слепых и нуждающихся в поводыре. Кто захватил позицию поводыря, тот и прав, ибо контролирует выключатель. В стране слепых кривой – король. Проблема в том, что для сохранения и расширения властных позиций ему приходится периодически выкалывать глаза некстати прозревшим подданным.

В более общей либерально-демократический картине мира этого делать не обязательно: по мере изменения социальных настроений меняется конфигурация и состав власти – только и всего. Здесь кроется глубокое расхождение реальных приоритетов и ценностей. Либо Власть (=секта жрецов, кем-то и как-то приобщенных к Свету истинного знания) всегда права уже потому, что она Власть. Отсюда ее несменяемость, сакральность и вождизм. Либо Власть состоит из обычных смертных, которые могут ошибаться и, следовательно, никакими эксклюзивными правами на Истину не обладают. Отсюда граждане, страна и государство могут и должны иметь в запасе альтернативные варианты развития, представленные альтернативными группами влияния.

В российском общественном мнении это расхождение до сих пор не отрефлектировано с достаточной ясностью, что естественно для эпохи культурного взрыва. Популярная идея «железной руки» в латентном виде содержит карт-бланш на несменяемость и физическое устранение оппозиции, хотя далеко не каждый из ее сторонников готов прямо артикулировать согласие на массовые репрессии. И, что еще интереснее, почти никогда не может объяснить, каким конкретным образом статус «железной руки» получит именно тот правильный человек (в идеале – Сталин), которого данная часть общества чает обрести в качестве вождя. Зато задачка легко решается в представлении высшего уровня социал-эзотериков: поскольку картинка мира конструируется «сверху вниз», любой, занявший позицию вождя и умело распорядившийся источником информационного света, автоматически становится великим, несменяемым, единственно возможным и всеблагим.

Чем проще реальность в головах слепцов, чем жестче ограничен их доступ к информации, тем легче ими манипулировать, реализуя актуальную на данный момент интерпретационную матрицу и меняя ее по мере необходимости. Когда и почему наступает момент смены матриц (допустим, с марксистской на православную, чучхейскую или евразий-

скую), массам знать не обязательно. Это дело верховных жрецов, контролирующих выключатель.

Методология Дугина

Применительно к России данную концепцию в наиболее откровенном виде излагает известный философ лубянской школы А. Дугин. Общественную систему, основанную на главенстве одной великой Идеи (с большой буквы) он именует Идеократией [4]. Интересно, что его теоретические соображения, изложенные около 10–15 лет назад, с одной стороны, заинтересовали власть только сейчас (что подтверждается проникновением его евразийской лексики в речь высших представителей государственной машины), а с другой – именно сейчас они тихо ушли из пространства идеологических дискуссий. Это характерно: если ты пытаешься реализовать эзотерическую теорию на практике, ее суть ни в коем случае не должна быть ведома профанному сознанию.

Сильная сторона дугинского подхода заключается в прямом признании главенствующей роли идеологии и веры в государственном строительстве, по крайней мере, применительно к России и СССР. Это подразумевает известную научную добросовестность и даже смелость, необходимую для отказа от теоретических догм исторического материализма в пользу эмпирических наблюдений. Но сразу возникает вопрос: что за Идея? Откуда? Почему именно эта, не другая? В соответствии со своей двухуровневой структурой дугинское учение в неявной форме предлагает два ответа. Низовая, широко рекламируемая версия, льстящая самолюбию масс, – Идею выковывают История, Традиция и шлифует Его Величество Народ. Вторая, сакральная, версия для узкого круга избранных – Идею дают народу те самые креативные эзотерики, которых Дугин именует идеократами. Напоминает известный тезис В. Ленина, что рабочий класс не в состоянии сам выковать для себя идеологию; для этого требуются услуги особой группы интеллектуалов и борцов, объединившихся в пролетарскую партию. И – уж так и быть! – взявших на себя нелегкую ношу организатора и вдохновителя побед трудового народа.

Откуда эксклюзивная Идея попадает в светлые головы ее носителей и почему она становится единственно верной – вопрос открытый. Дугин, в отличие от Ленина, предпочитает в него не слишком углубляться: просто такой вот специфический русский дух, корнями уходящий в двоеперстное староверие, не искаженное тлетворным влиянием Запада. У Ленина более наукообразный подход: Идею научным образом оформили К. Маркс с Ф. Энгельсом, а к ним она пришла из трех известных источников и составных частей, закалившись в практике революционной борьбы. Впрочем, эксклюзивности это все равно не объясняет. Ис-

черпывающего объяснения, как и у Дугина, нет: Идея правильная, потому что... ну, потому что все остальные неправильные. Филистерские, продажные, плоские, хвостистские, созданные для оправдания буржуазной эксплуатации. Ее правоту подтверждает общественно-историческая практика – критерий истины.

Между прочим, очень по-дугински: кто победил, тот и прав. Только у Ленина потому, что победа означает практическое доказательство правоты, а у Дугина – потому что она означает контроль над эпистемологическим выключателем. Практика (а главное – эксклюзивное право на ее интерпретацию!) всегда на стороне победителя.

Постойте! Вдруг ваша победа сугубо локальна в социальном пространстве-времени и уже завтра обернется поражением куда более серьезного масштаба? Объясните, в какой момент, где и как общественно-политическая практика фиксирует свои показания? Северная Корея на практике опережает Южную или отстает? Социалистический Вьетнам победил загнивающий американский империализм и, следовательно, практически доказал свои исторические преимущества? Неправильные США на практике вообще, очевидно, существуют по ошибке, ибо по Идее существовать не должны. А правильный СССР на практике не существует. И очевидно, тоже по ошибке; ибо уж он-то точно должен по Идее существовать. Что-то странное творится с вашим критерием, уважаемые коллеги. Или надо признать, что понятие практики у вас слишком легко трансформируется в зависимости от настроений интерпретатора; или согласиться, что в марксистской якобы научной историософии есть изрядный иррациональный блок, который предлагается просто взять на веру.

Дугину труднее, чем Ленину: он действует в условиях более насыщенной и критичной социокультурной среды. Он интересен тем, что признает идеократический, то есть в существенной части опирающийся на недоказуемую веру, характер не только русского Самодержавия, но и Советской власти. Это следует из его трактовки советского державного правления как органичного продолжения державы русских царей. Оно и логично: оба варианта откровенно идеократичны в своих корнях, пусть основополагающие Идеи у них радикально расходятся.

Они с Лениным парадоксальным образом союзники на деле, хотя ярые противники на словах. Вождь пролетарской революции немало повеселился над Идеей «боженьки», лежащей в основе проклятого царизма, и вместо нее откровенно делал ставку на столь же монистическую, хотя и внешне противоположную антирелигиозную Идею марксизма и исторического материализма: «Идея становится материальной силой, когда овладевает массами». Оба пляшут от Идеи, как от печки.

Разница в том, что Ленин яростно отстаивал чисто научный характер своей Идеи, в то время как Дугин, будучи не в силах противостоять очевидности, признает, что в основе обоих учений в конечном счете лежит вера, не сводимая к набору формально-логических аргументов.

Для советского человека, привыкшего, что исторический материализм есть наука, трудно осознать, что в практическом смысле коммунисты были чистой воды идеалистами – хотя бы потому, что ставили во главу угла Идею коммунизма, почему-то считая, что лишь она одна истинно верна. С яростью неофитов они отбрасывали вполне очевидные материальные и практические доказательства того, что помимо коммунизма есть и другие, не менее (скорее, более) успешные модели политического быта. Объективная материя, как и наука, если она позволяла себе прийти к выводам, не устраивающим партийных идеологов, непринужденно третировалась этой разновидностью идеократов, если вступала в конфликт с их горячей верой.

Если бы Дугин в ленинские времена рискнул выступить со своей теорией, ему в лучшем случае светил философский пароход, а в худшем – Соловки или расстрел. Что косвенным образом подтвердило бы его правоту: если марксизм есть НАУКА, ей не к лицу бояться публичной дискуссии и устранять критиков силовыми методами. Показать, что марксизм-ленинизм на самом деле далеко не ТОЛЬКО наука, но и система идеократических верований, – несложно. Но пока еще немного о самом понятии Идеократии.

Помимо русской православной монархии и СССР можно указать более откровенно религиозные версии идеократий. Режим иранских аятолл, Саудовская Аравия, Талибан. Ватикан - тоже интересный пример. Странное государство с уникальной экономикой, производящей в качестве экспортного продукта Идею, за которую вполне материальными деньгами платят миллионы потребителей по всему миру.

Есть и нерелигиозные (точнее, со своей собственной, наскоро слепленной системой верований) идеократические режимы. Северная Корея, опирающаяся на непобедимую идею чучхе. Которая, кстати, благополучно заменила собой прежнюю духовную матрицу коммунизма, ничуть при этом не поколебав основ династического менеджмента семейства Кимов: отличный пример того, как авторитарная власть конструирует массовую идеологию для своего удобства. Ливийская Джамахирия со столь же победоносной (и вечной, понятное дело!) теорией. Куба, где марксизм-ленинизм по сей день остается всесильным, потому что верным. В то же время в мире немало монархий, которые трудно назвать идеократиями – от Британии до Голландии, Бельгии и Швеции. Какая обязательная для всех государственная (национальная) идея ле-

жит в основе Норвежской монархии, и чем она отличается от государственной идеи, допустим, Дании или Японии?

Почему евразийство?

Предлагая консервативным элитам редукционистский принцип Идеократии, конструктивный Дугин задумывается и о том, какую Идею можно предложить населению и власти в качестве новой государствообразующей. Чтобы она могла заменить вышедший из моды марксизм и расширить узковатое (куда деть мусульман с буддистами, не говоря про иудеев?!) православие. По зрелом размышлении он счел разумным остановиться на идее евразийства как достаточно свежей, якобы научной и в то же время не чуждой религии. Именно в ней – решил Дугин – дышит почва и судьба России. Осталось «сверху вниз» убедить в этом общество.

Тут начинаются проблемы. Судя по его текстам, он признает, что государствообразующую Идею строит бренное человеческое мышление, а не божественное Провидение, как полагалось бы думать последовательным монархистам. Иначе евразийское учение никак невозможно было бы постулировать в качестве Идеократии Будущего. Ведь концепцию изобрели вполне конкретные русские мыслители Л. Карсавин, П. Савицкий, Д. Святополк-Мирский, Н. Трубецкой и др. в европейской эмиграции в 20-х – 30-х гг. XX в. Следовательно, на божественный генезис евразийская идеократия не тянет. В противном случае сочинителей пришлось бы провозгласить апостолами или пророками.

Хотя в завершенном виде хотелось бы чего-то похожего: зрелая идеократия устами Дугина требует «возврата к духовной традиции, религиозной Вере, внимательному и вдумчивому освоению наследия предков, великих цивилизаций древности, нового открытия истин, присущих традиционному обществу» [4, с. 78]. Отсюда выстраивается иерархия ценностей: «С евразийской точки зрения, техника должна быть поставлена под контроль фундаментальной науки, а сама эта наука должна соотносить свои исследования с областью духовных и нравственных принципов». То же самое и с культурой: необходимо провести «тщательную ревизию культурного наследия с тем, чтобы выделить наиболее ценные направления и сместить на периферию внимания второстепенные (критерием должно выступать соответствие духу Традиции). В области культуры следует отдавать приоритет духовным, религиозным элементам, связанным с понятием «священного». Удельный вес конфессионального, религиозного начала в вопросах культуры должен быть существенно повышен» [4, с. 78–79].

Все это замечательно, прежде всего с точки зрения нормативности подхода: «должна быть», «необходимо провести», «следует отдавать».

Стиль сурового проповедника, каковым, похоже, Дугин себя и полагает. Но опять возникает простой вопрос: кто? Кто будет определять степень соответствия духу Традиции? Кому вообще позволено решать, что есть самое Традиция? В представлениях классиков евразийства Традицией является союз леса и степи, славян и монголов. Санкт-петербургский период в жизни России Дугин считает досадной исторической ошибкой и эпохой «романо-германского ига».

Весьма идеократический взгляд: если действительность противоречит Учению, ее следует подкорректировать. Тоже очень по-ленински, с тем важным отличием, что Дугин как последовательный теоретик об этом говорит честно и прямо. Тогда как Ленин предпочитал выражаться обиняками (например, что наука и этика хороши лишь тогда, когда стоят на службе прогрессивного класса). Зато он значительно больше Дугина преуспел в практической подгонке действительности под свою умозрительную схему. Не стесняясь при случае доказывать идейную правоту массовыми репрессиями.

Страшно молвить, но в России есть немалое количество граждан, которые, напротив, полагают, что деяния Петра I, Екатерины II, Александра I (окаянные либералы упоминают даже Александра II – Освободителя!) как раз и составили самую громкую славу Отечества. Понятно, что с точки зрения евразийца Дугина их следует «сместить на периферию внимания». Но вдруг они не согласятся? Вдруг наберутся духу и спросят, по какому, собственно, праву господин Дугин взялся решать, что в истории России правильно, а что – нет?

Не вопрос! Согласятся как миленькие. Потому что умный Дугин, переосмыслив практический опыт Ленина, предусмотрел в грядущем Евразийском сверхгосударстве исполненную мудрости Геополитическую Администрацию, которая установит «границы свобод». Партия евразийцев убеждена, что «все политические тенденции и процессы, все партийные, социальные, общественные, религиозные и национальные объединения, ориентированные на разрушение геополитической мощи России (Евразии), ведущие к сепаратизму, должны быть поставлены вне закона» [4, с. 17].

Стало быть, Геополитическая Администрация Евразии даже ВЫШЕ религии, не говоря уж про науку, коль вправе решать, полезно или вредно некоторое идейное направление для державной мощи России. Салафиты, например, или либералы-западники. А почему? Да просто потому, что автору концепции и той части элит, которая рассчитывает править Россией под флагом Идеократии, это кажется верным. И тем более они выше формального закона, ибо формальный закон так или иначе ограничивает целительный произвол всеблагой Геополитической

Администрации, каковая, как и положено истинной Идеократии, счастливо совмещает в себе функции высшей законодательной, исполнительной, духовной и судебной власти. Сильно напоминает Политбюро ЦК КПСС – только описанное более откровенно и без ритуальных поклонов в сторону Исторической Необходимости и иных Объективных Процессов.

Если Идеократия есть власть, основанная на Идее, то Идея становится орудием власти в борьбе за самовоспроизводство. Поскольку подобных Идей в современности и недавнем прошлом насчитывается не менее десятка, есть основания предположить, что первичны в данном симбиозе как раз интересы Власти, а уж какую именно теорию она изобретет для оправдания своей авторитарной сущности – дело десятое. Идеократу Ленину казалось правильным в массовом порядке расстреливать попов и буржуев ради грядущей коммунистической благодати. Идеократу А. Гитлеру казалось правильным сжигать евреев ради уничтожения отвратительных гнойников на чистом теле великого немецкого народа. Идеократу У. бен Ладену казалось правильным взрывать крестоносцев, хотя он понимал финальную благодать несколько иначе, нежели Дугин, Ленин или Гитлер. Почему мы должны верить им или Дугину? Видимо, по тем же причинам, по которым были должны верить в марксизм как в манихейский свет в окошке. Такой уж у нас Национальный Код.

Марксистский извод Идеократии

Первым иррациональную составляющую марксизма со всей прямотой подчеркнул Ж. Сорель, который в советском гербарии характеризуется как анархо-синдикалист. Мелочь, но характерная: в Западной Европе его обычно зовут революционер-синдикалистом. В советской же традиции слово «революционер» старались к сомнительным теоретикам не применять. Как, кстати, и слово «социалист». Поэтому гитлеровскую партию советская пропаганда именовала не «рабочей национал-социалистической», а загадочной национал-социалистской, а еще лучше-фашистской. Хотя фашизм, строго говоря, отдельная кафедра, где заведует Б. Муссолини. Советские идеократы знали силу слов и умели создавать смысловой хаос вокруг своего единственно правильного учения, чтобы оно одно возвышалось над враждебным мраком как манихейский маяк истинного знания. Многие до сих пор верят.

Марксист Сорель в 1908 г. в своей революционной книге «Осознание насилия» (до сих пор не переведена) излагает весьма причудливую для советского человека концепцию. Марксизм, – полагает он, – вовсе не наука (наука, сказать по чести, вообще дребедень, никчемная попытка испуганного разума упорядочить хаос действительности, чтобы ус-

покоиться с соской-пустышкой во рту). Это новая мировая религия, по мощи сопоставимая с ранним христианством. Она тоже проповедует справедливость, бичует лицемерие филистерского «среднего класса» и обещает вечное блаженство после катарсиса Мировой Революции, которую Сорель сравнивает со вторым Пришествием и Страшным Судом. И правильно: неизбежность и того и другого научными методами доказать невозможно. Остается верить. Или не верить, рискуя за это угадить в Соловки.

Сорель, которому повезло жить и умереть раньше, чем из марксизма в СССР (в прямом соответствии с его яростно третируемыми указаниями!) окончательно сделали икону, бестрепетно скрещивал его с ницшеанством, получая в логическом итоге с одной стороны – Ленина, а с другой – Муссолини. И там и там – сверхчеловек, и там и там – великий популист, и там и там – выдающийся социал-мифотворец, преобразующий с помощью мифологии косную действительность.

Науку с ее типологиями и классификациями Сорель глубоко презирал как воплощение выморочного буржуазного начетничества, а стихией социального мифа искренне восхищался. Социальный миф, с его точки зрения, вовсе не должен быть отражением реальности или стремиться к объективной истине. Нет, он должен быть воплощением воли (тут они с Ф. Ницше перестукиваются через фанерную стенку, как соседи по коммуналке); каковая воля с помощью мифа мобилизует массы и ведет их через очистительный огонь революции к царству справедливости и добра.

В необходимости и благости этого царства Сорель как дитя Французской революции ничуть не сомневался. И горячо приветствовал бодрящее насилие масс над прежним порядком вещей, категорически его не устраивавший. Совершенно не важно, о чем миф. Важно, способен ли он поднять массы на бунт против косного буржуазно-бюрократического мира, в котором Сорелю (а равным образом Марксу и ряду других достойных товарищей) было невыносимо душно и скучно. Незадолго до смерти (1922 г.) Сорель громко приветствовал победу Ленина как вождя, ловчее всех прочих реализовавшего концепцию социального мифа. Ленин, понятное дело, отвечать взаимностью не мог: в основе его мифологии лежало утверждение о научном, объективном, прогрессивном и исторически неизбежном характере марксизма, что как бы на практике подтверждалось фактом успешного Октябрьского переворота. Раз победили, значит, теория Маркса полностью подтверждается. Чего еще надо-то?

Да, собственно, ничего. Правда, можно ведь сказать, что практически подтвердилась и теория Сореля, не так ли? К тому же, бывало, и

варвары побеждали Рим или вождь кочевников Чингисхан обращал в пустыню оросительные системы Маверранахра. Но, раз устами Ленина говорит объективная и строгая материалистическая наука, значит крыть нечем.

Сорель в данном случае шире и логически полноценнее Ленина. Ему безразлично, какая именно версия мифа подвигнет трудящиеся массы на животворное антибуржуазное насилие – так пусть это будет миф, эксплуатирующий имя науки. Благо, ее авторитет за два столетия поднялся весьма высоко. Хотите называть марксизм наукой – ради бога. Главное, чтоб отдача в массах была! Если, допустим, в Италии лучше пойдет левый популизм волевого фашиста-социалиста Муссолини (папа которого был искренним сторонником и соратником Маркса), пусть там будет фашистский миф. Если для Германии больше подходит волевая мифология социализма в родстве с национализмом – и это замечательно. Там наука тоже оказывается весьма кстати, но, конечно, не жидо-большевистская, а настоящая, чисто арийская. Например, геополитика К. Хаусхофера, теория расовой чистоты и евгеника. Чем бы народные массы ни тешились, лишь бы шли на баррикады для свержения невыносимого гнета, под которым целый ряд выдающихся волевых личностей никак не подберут себе эполеты по плечу.

Кстати, о практической действенности мифа. В СССР почему-то на уровне аксиомы было принято считать, что большевики – «левые», а фашисты – «правые». Это замечательный плод той самой идеократической путаницы смыслов и массированного мифологического давления, не имеющего никакого отношения к исторической правде. Найдите в ключевых пунктах программы партии Муссолини «Fasci di Combattimento» («Союз борьбы» или «Единство в борьбе») хоть что-нибудь «правое»:

- снижение возрастного избирательного ценза до 18 лет при равных избирательных правах женщин;
- дворянские звания и сословия отменяются;
- сенат распускается; учреждается Национальный совет трудящихся, интеллигенции, промышленности, торговли и культуры. Госучреждения контролируются представителями рабочего класса;
- земельный залог отменяется. Частные землевладения принудительно вводятся в хозяйственный оборот под угрозой экспроприации и передачи крестьянским кооперативам или организациям ветеранов войны;

- цель внешней политики – противостояние международному империализму, распространение нашего влияния и идеологии за рубежом;
- восьмичасовой рабочий день для всех трудящихся при обязательном минимуме заработной платы;
- вводится трудовая пенсия по старости; на вредных производствах стаж сокращен;
- учреждается государственная антирелигиозная школа для повышения культурного и образовательного уровня пролетариата;
- резкое повышение прогрессивного налога на капитал с целью экспроприации состоятельных классов; изымается церковная собственность, отменяются епископальные платежи;
- все оборонные контракты пересматриваются с целью секвестирования военных прибылей на 85%; полная национализация оборонной промышленности.

Это было в 1919 г. Отыскали ли вы что-то буржуазное в интересах угнетателей? Но мы же со школьной скамьи помним: «“правые” фашистские партии, выражающие интересы крупного капитала». Чисто идеократическая интерпретация, которую нам полагалось принять на веру. Факт же состоит в том, что партийных программ итальянских фашистов и немецких национал-социалистов советские люди не знали. И ведь как просто и понятно жилось, не правда ли?! Войны есть следствие конфликта классовых интересов – так? Так. Мы с фашистами воевали? Воевали. Значит, они должны принадлежать к чуждому классу. Чего тут мудрствовать. Раз мы «левые», значит они «правые». Мифология же!

На самом деле у Гитлера, как и у Муссолини, тоже совершенно левая политическая риторика и программа. Но какое до этого дело советским пропагандистам! Только сегодня, благодаря Интернету любой желающий может ознакомиться со знаменитыми 25 пунктами программы Гитлера-Дрекслера и убедиться: чистый левый популизм с изрядной (в отличие от Муссолини) примесью национализма.

Миф должен быть приятен на вкус и на запах. Иначе кто на него клюнет? Советскому человеку по ряду причин неприятно думать, что Ленин-Сталин и Муссолини-Гитлер растут из одного корня. Ну и хорошо. Раз неприятно, пусть думает, что те росли «слева», а эти «справа». Советская версия Идеократии держалась дольше и успешнее прочих в том числе потому, что жестче контролировала информационное пространство и могла десятилетиями рисовать в каморке папы Карло весьма похожий на правду очаг с похлебкой для трудящихся.

Фашист Муссолини на деле показал себя не менее сильным реализатором Сореля, чем Ленин, но значительно более откровенным. В частности, он сформулировал золотое правило сверхчеловека: «Чтобы люди сдвинули для вас горы, надо дать им иллюзию, что горы движутся». Иначе говоря, вооружить их всепобеждающим Учением. По логике Сореля, основная разница между марксизмом и фашизмом заключается в том, что первый оперирует мифологией класса и классовой борьбы, а второй мифологией единого общенародного государства. Марксизм разжигает тягу народа к очищающему насилию ради равенства и справедливости, фашизм – тягу народа к насилию ради силы, порядка и единства. В обоих случаях на этой тяге очередной сверхчеловек взлетает к власти с первой космической скоростью. И затем уже «сверху вниз» закрепляет свой единственно верный идеократический режим, нещадно выпалывая ростки любых иных объяснений социальной реальности.

Границы идеологии

9 ноября 1917 г., через день после Октябрьского переворота, Совет Народных Комиссаров выпускает «Декрет о печати». Запрещает газеты, «сеющие смуту путем клеветнического извращения фактов». За полгода до лета 1918 г. закрыто более 470 периодических изданий. Скоро выяснилось, что этого недостаточно. Даже без влияния буржуазных газет не все трудящиеся согласились, что с приходом военного коммунизма жить стало лучше и веселее. Таких циников и маловеров пришлось, понятное дело, слегка расстреливать. Как иначе защитишь Великую Идею, если она входит в противоречие с практическими интересами людей? Например, с мелкобуржуазной привычкой есть хотя бы раз в день. Без террора – никак. Великая идея требует великих жертв.

Для особо бдительных есть смысл оговориться, что советский марксизм вовсе не целиком состоит из иррациональной веры. Сорель, как большинство исследователей, удачно схватив одну из многочисленных нитей, немедленно впал в соблазн абсолютизации. В марксизме очень много и от науки, особенно – на Западе. Только поэтому он еще жив: его свободно критикуют, он свободно отвечает и таким образом модифицируется, приспосабливаясь к меняющейся действительности. Нормальная траектория для нормальной ветви научного знания.

Речь о другом: в СССР, где с особой скрупулезностью подчеркивался исключительно научный и объективный характер всесильного и потому верного учения, оно закономерно эволюционировало в свою противоположность: в нетленную, непреходящую и вечно живую Идею, лежащую в основе государственности. De facto стала религиозной догмой, последнее слово в интерпретации которой принадлежит Вождю.

Какая уж тут критика? Если и возможно обновление, то исключительно «сверху вниз», из сакрального круга Приобщенных к Истине. Естественно, любые, даже марксистские, альтернативы в СССР представлены не были. Не для того партия большевиков победила идейную смуту, чтобы какие-то европейские «левые» тут нам «подбрасывали».

Отголоски идей Сореля в истории ВКП(б) мелькнули в виде попыток «богостроительства», сурово пресеченных Лениным. Замечательный пример тоталитарности мышления: наука, наука, исключительно наука! Он ни за какие коврижки не готов допустить в свой миф даже тени «боженьки». Объективная, вечно живая материалистическая истина – вот и извольте в нее верить со всем идейным исступлением.

Тут самое время вспомнить Дугина. С точки зрения науки, любая Идея (даже чисто математическая, а уж тем паче социальная) по известной теореме Г. Геделя не вправе претендовать на абсолютную логическую полноту и завершенность. Идея, возведенная в ранг Государственной или Национальной, тем более может и должна быть объектом критики, модификации и сменяемости. Но, раз так, она либо не претендует на звание Вечной, Гениальной, Великой и Несокрушимо-Истинной (то есть Идеократической), либо перекочевывает из области научного знания в сферу мистических прозрений. Мистическая Идея, в отличие от научной, может быть практически вечной, ибо критерий истины у нее на Небесах. Верить в то, что недоступно конкретному эмпирическому опыту, легче. Если же речь о реализации социального мифа на Земле (на чем стоит вера коммунистов), то необходимым условием становится репрессия конкурентов и жесткая изоляция населения от чуждых идей и практик.

На практике так и выходит: идеократические режимы – всегда создают замкнутые сакральные пространства, заполненные символами своей веры. Идейная (и не только идейная) жизнь в них строго регламентирована специальными канонами. Нарушителей ждет кара. Критика, выходящая за пределы базовых аксиом, рассматривается как ересь, то есть не опровергается, а третируется вместе с ее носителями. Изгоняется, предается анафеме. В современной Русской православной церкви даже появился новый красноречивый термин – «каноническая территория». Чужим проповедникам на ней не рады. Надо признать, это по-своему логично. Однако хотелось бы точности: где конкретно лежат ее географические пределы? Раз имеется территория, значит, должны быть границы. Греция? Болгария? Уже нет. Украина? Белоруссия? Увы, тоже не совсем. Так что лучше от греха замнем вопрос. Для пущей духовной ясности. Наука с ее требованием четкости не уживается с нарочитой расплывчатостью идеократии.

В СССР, КНДР или на Кубе с этим проще: границы государства одновременно есть и границы идеологии. Что, на самом деле, есть признак если не умирания данной версии идеократии, то, по крайней мере, ее перехода к оборонительной стратегии. Ленин и Троцкий ни за что не согласились бы, что каноническая территория большевизма ограничена пространством СССР. То были глобалисты-экспансионисты. Сталин – уже иное дело. Экспансию (и не только идейную) он очень ценил, но вынужденно соразмерял амбиции с амуницией.

А где лежат канонические границы ислама? Интересно было бы обсудить этот вопрос с теоретиками Талибана или Аль-Каиды.

Ленинско-сталинская версия

Эксцессы большевизма, фашизма, нацизма или исламизма не были следствием только каких-то нехороших личных качеств отдельных вождей или их прихлебателей. Иерархия ценностей идеократии естественным образом ведет к уничтожению оппозиции, к цензуре и произволу. В конечном счете – к сакральной фигуре во главе. Иначе невозможно: если государство служит интересам сверхценной Идеи (и ее верховных носителей), то обыватели автоматически низводятся до уровня ресурса, щедро расходуемого ради достижения великой цели. Это на практике, а в теории – «все во благо человека, все во имя человека». Осознать разницу между теорией и практикой идеократия не позволяет.

Большевики, придя к власти, сразу взялись искоренять знаки и символы прежней веры. Как талибы в Афганистане взрывали древние статуи Будды, как исламисты в Тимбукту – «неправильные» древние мавзолеи. Казалось бы, чем церкви-то мешают прогрессивному светскому руководству, которое на каждом углу трубит о материализме? Ну и занимались бы улучшением материальных условий жизни сограждан. Богу богово, кесарю кесарево. Но в том-то и беда, что материальные условия очевидно ухудшались. Удержать власть можно было лишь за счет тотального подрыва прежней идеологии и ее замены новой, глубоко искренней верой, которая превыше материальных неурядиц.

У них получилось. Правда, Россия за это заплатила несколькими миллионами наиболее образованных, работящих и самостоятельно мыслящих граждан, которые третировались как эксплуататоры и носители враждебной идеологии. В последующем подобные чистки генетического фонда циклически повторялись, причем критерии репрессий легко менялись от экономических (по признаку состоятельности) до партийных (кадеты, эсеры, меньшевики, старые большевики), профессиональных (военные, врачи, интеллигенция) или национальных (крымские татары, чеченцы, поляки, немцы, евреи). В зависимости от

того, с какой стороны вождям в данный момент виделась угроза их полновластию.

Анализ практических действий большевиков показывает, что их реальным приоритетом всегда была борьба за максимально полную власть, которая идеологически оправдывалась сорелевской верой в прогрессивный социальный миф. То, что в частном случае СССР фундаментом идеократии служила Идея материализма, – не более чем кривая усмешка истории. Могли бы положить Идею нацизма – получился бы режим вроде гитлеровского. Или, как предлагает Дугин, Идею «геополитической судьбы», загадочным образом вытекающую из Идеи же о вечном антагонизме «теллурократии» и «талассократии» [1].

Миф не сильнее и не слабее, чем Идея Маркса-Ленина об антагонизме буржуазии и пролетариата или Идея Гитлера об антагонизме немцев и евреев. Все зависит от темноты аудитории, напора проповедника и мощи пропагандистского аппарата. И политической воли, конечно. Не зря сторонники дугинской методологии охотно подхватили смутный, но полный энергии термин Л. Гумилева «пассионарность». Строго говоря, вполне можно было бы обойтись ницшеанской «волей», да только Ницше в нашей социокультурной среде безнадежно дискредитирован как предтеча фашизма. Пойти на такую очевидную подставу грамотный идеолог не может, а вот «пассионарность» – хорошее чисто русское словцо, бодрящее и в меру непонятное. Сталин сегодня трактуется ими как ярко выраженный носитель пассионарного духа. Ну, и флаг ему в руки.

Покажите, однако, где лежит строго научное, объективное доказательство неизбежности диктатуры пролетариата и его пассионарных вождей? Нигде оно не лежит. Конфликт классовых интересов – есть, но почему он исторически необходимо должен решаться на баррикадах, а не за столом переговоров в стиле многократно заклеймленного тред-юнионизма? Только потому, что этого хочется пассионарным лидерам. Ну, так и скажите честно, что доказательство лежит во вскипевшем от возмущения разуме Маркса, Ницше, Сореля, Ленина, Троцкого, Сталина и прочих, готовых вести нас на смертный бой ради расширения своей авторитарной власти.

Нет, не могут сказать. Рухнет волшебная сила мифа. Вот церковь взорвать – пожалуйста. Это окрыляет и освобождает, не правда ли? Облегчает переход к новому мифу и новому культу, значительно более тотальному, чем прежний. Попы для носителей новой религии - прямые конкуренты, а с конкурентами большевики никогда особо не церемонились. 23 декабря 1946 г. на встрече с группой редакторов своих «Сочинений» и биографии Сталин сформулировал нетривиальную мысль,

аккуратно записанную одним из членов редколлегии, В. Мочаловым: «Марксизм – это религия класса. Хочешь иметь дело с марксизмом, имей одновременно дело с классами, с массой. Мы – ленинцы. То, что мы пишем для себя, – это обязательно для народа. Это для него есть символ веры!» [5, с. 636]. В публичной обстановке или в официальном тексте он такое вряд ли бы себе позволил, но среди тесного коллектива особо доверенных эзотериков почему бы не назвать вещи своими именами. Да, религия. Да, символ веры. Да, обязательно для народа...

Интересно, читал ли Сталин Сореля? Едва ли - иностранным языкам обучен не был. Скорее, осознал на основе личного политического опыта и базового семинарского образования. Всю свою политическую карьеру он вместе с партией целеустремленно, осознанно и эффективно занимался мифотворчеством. Учась у великого Ленина. Власть – волшебная палочка, которая «сверху вниз» конституирует новую социальную реальность. Через управление идеологической матрицей в головах народонаселения и истребление альтернативных идей.

Или другое, более известное высказывание: «Партия – нечто вроде Ордена меченосцев». Ну да, секта, тайные правила которой возвышаются над правилами профанного населения. Можно было сказать по-русски – опричнина. Тоже особая идеологизированная надстройка, действующая опричь земских правил и подчиняющаяся прихотливой, но неизменно великой воле вождя. Однако коннотация больно скверная, а слова Идеократу надо подбирать очень аккуратно.

А то ведь можно было бы и по-итальянски: мафия. Семья! Семья народов с Отцом во главе.Тоже своего рода Идеократия с характерным набором понятий и ценностей, способная de facto контролировать целую Сицилию. И, что немаловажно, упорно защищать сицилийскую духовную Традицию и Самобытность от губительного влияний либеральных идей с продвинутого итальянского севера.

Идеократия – всегда пропаганда и насилие. Они функционально необходимы друг другу. Насилие над текстами и над людьми. Разве можно иначе справиться с таким идеологическим конкурентом, как, например, епископ Варнава, который почти одновременно со Сталиным (в 1952 г.) не боялся говорить о том же? «Коммунизм – та же религия. Коммунисты берут у ненавидимой ими религии и попов то же самое! У нас крестины – у них октябрины, у нас крестные ходы – у них демонстрации, у нас кресты, хоругви и иконы – у них портреты вождей и плакаты, у нас мощи угодников Божиих – у них тоже “мощи” на Красной площади» [2, с. 351].

Епископ Варнава не совсем прав. Советская версия коммунизма не столько пустое «обезьянничание» (его выражение) христианства,

сколько подмена более примитивным языческим культом обожествленного предка. Что подразумевает необходимость Верховного Жреца при мумии, обладающего исключительным правом толковать ее сакральные высказывания. Эту нелегкую задачу История под бурные, продолжительные аплодисменты возложила на товарища Сталина. Примерно так же Дугин вынужден взять на себя эксклюзивную функцию толкователя судеб России. Выходит замечательно: по его единственно верной геополитической теории, Россия и Германия относятся к «теллурическим» цивилизациям. И следовательно, обречены совместно конфликтовать с «талассократами» из США и Великобритании. Две войны между русскими и немцами в XX в. – грубая ошибка исторического процесса, который имел наглость и глупость противоречить великому евразийскому учению! А что вы хотите: идеократия тем и хороша, что в ней вера и воля превыше фактов.

Воля и факты

Коллективизация. Агония «золотого червонца», валютный кризис. Голодомор. Миллионы смертей. В августе-сентябре 1930 г. Сталин шлет В. Молотову указания с берегов Черного моря, где поправляет здоровье. Сначала – о вредительских элементах из Госбанка, которые вдохновляются «правительством» правых уклонистов Н. Кондратьева и В. Громана. («правительство» Сталин берет в кавычки. Это же не правительство, а гнездо вредителей!). Кондратьев, кстати – тот самый знаменитый экономист, который открыл «кондратьевские длинные циклы». Денег у него в Наркомате финансов нет, что естественно, ибо население в ответ на решение вождя об уничтожении твердой валюты зажало под половицей последнее золото и серебро, еще остававшееся в обороте. Но виноват, конечно, не Сталин, а враги из «правительства». Отсюда директивы Молотову около 6 августа 1930 г.: «2) Обязательно расстрелять десятка два-три вредителей из этих аппаратов, в том числе десяток кассиров всякого рода; 3) Кондратьева, Громана и пару-другую мерзавцев нужно обязательно расстрелять; 4) Нужно обязательно расстрелять всю группу вредителей по мясопродукту, опубликовав об этом в печати; 9) Форсируйте вывоз хлеба вовсю. В этом теперь гвоздь. Если хлеб вывезем, кредиты будут».

Около 23 августа 1930 г.: «2) Если за эти 1–1.5 месяца не вывезем 130–150 миллионов пудов хлеба, наше валютное положение может стать потом прямо отчаянным. Еще раз: надо форсировать вывоз хлеба изо всех сил; 3) Надо обязательно арестовать Суханова, Базарова, Рамзина».

2 сентября 1930 г.: «Придется, по-моему, обновить верхушку Госбанка и Наркомфина за счет ОГПУ и РКИ после того, как эти последние органы проведут там проверочно-мордобойную работу».

13 сентября 1930 г.: «1) Надо бы все показания вредителей по рыбе, консервам и овощам опубликовать немедля. Надо бы их опубликовать с сообщением, что ЦИК или СНК передал это дело на усмотрение коллегии ОГПУ (она у нас представляет что-то вроде трибунала), а через неделю дать извещение от ОГПУ, что все эти мерзавцы расстреляны. Их всех надо расстрелять; 2) Следовало бы также опубликовать показания агентов “Интеллидженс-Сервис” Неандера, Гордона, Бондаренко, Аккермана, Бобровщикова и др. насчет диверсионной деятельности служащих Виккерса, организаторов взрывов, поджогов и разрушения наших заводов и сооружений (Джаксон, Ломанс, Лип и др.). Можно было бы опубликовать эти документы (подготовив их тщательно), спустя 5 дней после опубликования показаний о вредителях по мясу, рыбе и т.п. Пока можно ограничиться опубликованием, не делая сообщений о суде или расстреле».

И еще 13 сентября – в добавление к предыдущему письму: «Уйми, ради бога, печать с ее мышиным визгом о “сплошных прорывах”, “нескончаемых провалах”, “срывах” и т.п. брехне. Это – истерический троцкистско-правоуклонистский тон, не оправдываемый данными и не идущий большевикам. Особенно визгливо ведут себя “Экономическая жизнь”, “Правда”, “За индустриализацию”, отчасти “Известия”. Пищат о “падении” темпов, об отливе рабочих» [5, с. 341–364].

Идеократия не ошибается. Ошибается действительность и те, кто пытаются ее добросовестно описать. Ничего нового: иезуит и идеократ Игнатий Лойола точнее и раньше Сталина сформулировал: «Великая цель оправдывает любые средства ее достижения». Дело за малым: убедиться самому и убедить других в том, что цель достаточно велика, чтобы оправдать все. Начиная прежде всего с тотального контроля над информацией, а это уже вопрос несгибаемой воли.

5 октября 1930 г. Совнарком с подачи Молотова поручает Главлиту «контроль за всеми предназначенными к опубликованию или распространению произведениями как печатными, так и рукописными, за снимками, рисунками, картинами и т.п., за радиовещаниями, лекциями, выставками осуществляется в виде предварительного и последующего контроля». Разворачивается очередная чистка журналистского корпуса уже не «буржуазной прессы», уничтоженной в 1918 г., а своей, родной, пролетарской.

Идеократическая пружина закручивается все туже. Оппозиция уничтожена, безумные решения некому остановить; при внедрении они

приводят к катастрофическим результатам; чтобы предсказанный оппозицией провал представить небывалой победой, приходится превращать СМИ из средств информирования в средство пропаганды. Расстреляны журналист М. Кольцов и его коллеги. В стране растет целое поколение людей, у которых мозги вывернуты наизнанку. Они верят, что производительность социалистического труда выше, чем капиталистического, что в СССР прогрессивная плановая экономика, которая эффективнее рыночной, что собственность здесь принадлежит народу.

Чтобы научить действительность объективно подтверждать эту сталинскую веру в победную поступь социализма, из восьми сменявших друг друга начальников статистической службы при Госплане СССР до 1940 г. были расстреляны пятеро. И действительность худо-бедно научилась! С тех пор советские учебники, опираясь на данные официальной статистики, с цифрами в руках демонстрируют очевидные преимущества колхозов над буржуазным сельским хозяйством и стремительные темпы роста советской промышленности в сравнении с 1913 г. Пятилетка выполнена в два года! – говорит Сталин. И поди поспорь. Благодаря пропагандистскому заделу тех победных лет миллионы людей до сих пор верят, что Сталин способен навести порядок. О да! В статистических сводках, итогах голосования и укреплении власти - вне всякого сомнения.

О семи-восьми миллионах жертв колхозного голодомора эти люди не слышали, не знают, не верят. Им очень трудно, почти невозможно осознать, что сталинский порядок был таким же нарисованным, как очаг в каморке папы Карло. Что он был более заслугой Главлита и Агитпропа, чем Госплана и Совнаркома. Верные солдаты секты. Их переубедить нельзя, особенно если они или их предки занимали места поближе к верхам. А те, кто занимали места пониже, молчат, набравши в рот земли с Колымы, с Соловков, из смоленских и ржевских болот 1941–1942 гг. Кто выжил и взял верх, тот и интерпретирует реальность и предлагает идеократические пути спасения России.

Почему евразийство?

Простой и надежный симптом. Раз в официальных речах замелькали «Святыни», «Попрание», «Глумление», «Кощунство», «Нетленные», значит, приехали. Следом с функциональной необходимостью появляются и иностранные агенты, и враждебное окружение, и победное шествие к светлому будущему назло проплаченным Госдепом клеветникам, и Изборский клуб с Дугиным и С. Кургиняном в качестве кладезя геостратегической мудрости. Следующий шаг – репрессии по отношению к оппонентам. Это означает, что «наверху» плохо дело. Если бы экономика в 1930 г. действительно росла и качество жизни населения

улучшалось, Сталину незачем было бы унимать «мышиный визг» своей партийной печати и расстреливать мерзавцев Кондратьева, Громана наравне с миллионами других «вредителей».

Вот и сейчас. Материальных доказательств улучшения (на уровне, соответствующем запросам общества) нет, и не ожидается. Но нельзя же признать, что те, кто 10 лет твердят про бюрократизацию, коррупцию, нефтяную иглу, удушение экономической и политической конкуренции, были правы. Приходится, как в приснопамятные времена, упирать на идеологию. И правда: в телевизоре опять колосятся хлеба, комбайны идут цугом, брызжет искрами свежесваренный металл, а руководство внимательно выслушивает нужды трудящихся. И сразу же отвечает делом. Ленин и ходоки! Давненько мы не видели столь массированной пропаганды. Пожалуй, уже лет 25.

Но все равно не получится. Как не получилось у Ю. Андропова. Нет неограниченного демографического ресурса, из которого Сталин мог черпать, засучив рукава на обеих руках. Другая степень информационной прозрачности, другое, более образованное население. Города протестуют. Свобода перемещения, конвертируемая валюта (чуть что – убежит, и поминай, как звали). Интернет, зарубежные поездки. Сделать вид, что альтернатив нет, а есть одно, единственно верное, как в сталинские времена, решение, технически невозможно. И хотелось бы восстановить железный занавес, атмосферу тотального страха и полную зависимость от деревянного рубля, да ресурсов не хватит. То, что верховная власть от тоски хватается за реализацию евразийской идеократической программы, – знак понимания, что материальная сфера выворачивается из-под контроля.

Евразийство задумывалось и рождалось как победная гипотеза, призванная противопоставить умирающей (еще со времен О. Шпенглера!) Европе экспансию молодого, энергичного, хотя и варварского Востока. Да, скифы мы. Да, азиаты мы. Нас тьмы, и тьмы, и тьмы. Попробуйте, сразитесь с нами. Сейчас оно по необходимости обратилось в противоположность, стало идеологией изоляционизма и оборончества. Не трогайте нас! Не заходите на нашу каноническую территорию! Прекратите отвратительную политику эпистемологического колониализма!

Как замечательны все эти чисто русские термины. Прискорбная история: советский язык за три поколения идеократической болтовни даже не сумел выработать нормальных терминов, чтобы сегодня обозначить евразийские обиды начальства. Притом что само евразийство, за которое, как за спасательный круг, хватаются номенклатурные певцы «вертикали», тоже оформилось в условиях европейской свободы мысли и слова. Крупнейший теоретик евразийства Святополк-Мирский, вер-

ный принципам научной добросовестности, чтобы доказать правоту теории и помочь Родине воспользоваться ее плодами, накануне Второй мировой войны вернулся в СССР, где и был вскоре расстрелян гостеприимными чекистами. Нашелся умник с идеями!

А теперь его наработки используются той же лубянской аристократией для обороны от эпистемологического колониализма. Это замечательное требование, если перевести на русский, не содержит ничего, кроме признания, что объяснения социальных процессов, которые генерирует условный Запад, выглядят более правдоподобными и убедительными, чем мутные рассуждения про телурро- и талассократию, геополитические или национальные «коды». Или (если отойти чуть назад) про общий кризис капитализма, общенародную собственность и преимущества планового социалистического хозяйства над рыночным. Отцы ели кислый виноград, а на зубах детей оскомина. Попытка вылечить ее евразийским прикладом по сталинским рецептам сколь предсказуема, столь и бесплодна.

Лапша, произведенная на вертикальной макаронной фабрике, неконкурентоспособна не то что на экспорт, но и на внутреннем рынке. От 30 до 50 млн сограждан отказываются подставлять уши под эту продукцию. Роскошная дореволюционная Евразия с парчовой мечтой о Босфоре и Дарданеллах деградировала до скучного ази- опского султаната, за 100 лет расплескавшего лучшие демографические, культурные и интеллектуальные ресурсы России и теперь лелеющего надежду удержать за горами, за долами круговую оборону от свободного мира. Все это мы уже проходили. И в виде фарса, и в виде трагедии. Примерно представляем, чем этот танец с саблями может кончиться. Реставрация, с одной стороны, естественна и неизбежна, но с другой – она все более очевидно приближается к исчерпанию своих материальных, идейных и человеческих ресурсов. Начинается самое трудное и опасное время агонии номенклатурного государства, когда оно лихорадочно подбирает себе идеократические оправдания для репрессивных мер.

Как говорили про Бурбонов, они ничего не забыли и ничему не научились. России предстоит пережить еще одну попытку построить свой уникальный мир наизнанку. Ничем хорошим, кроме очередного распада государства (хотелось бы верить, что не страны), она не кончится.

Примечания:

1. Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997.

2. «Дядя Коля» против. Записные книжки епископа Варнавы (Беляева). 1950–1960. Нижний Новгород, 2010.
3. Лотман Ю. М. Культура и взрыв // Семиосфера. СПб., 2000.
4. Программа политической партии «Евразия». М., 2002.
5. Сталин И. В. Сочинения. Тверь, 2004. Т. 17.
6. Яковенко И. Г., Музыкантский А. И. Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации. М., 2011.
7. URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/10868971/obschestvo_ izmenilos

EURASIANISM. IDEOCRACY. THE INSIDE-OUT WORLD

Dmitriy B. Oreshkin
Cand. Sci. (Geogr.), Political Scientist, Leading Researcher, Institute of Geography, RAS
29 Staromonetnyi Lane, Moscow 119017, Russia

The article deals with the nature of ideocratic regimes of various types, primarily the Bolshevik regime. We analyze the specifics of the contemporary version of Eurasianism as an attempt of ideological substantiation of Thermidorian policy.

Keywords: ideocracy, Eurasianism, national idea, Bolshevism, national socialism, fascism.